

Глава 40

— Бай... Бай Цзыму, — голос Цзян Сяои осип. Он моргнул, не веря своим глазам, и в его взгляде промелькнули удивление и радость.

Когда Бай Цзыму подошёл ближе, он, задыхаясь, спросил:

— Что ты здесь делаешь так поздно?

Цзян Сяои тербил край своей одежды. В тот миг, когда он увидел Бай Цзыму, его глаза неконтролируемо защипало, и слёзы едва не хлынули наружу. Он долго молчал, не в силах вымолвить ни слова.

— Что случилось? — Бай Цзыму пристально посмотрел на него и, заметив покрасневшие глаза, тут же напрягся. — Опять кто-то обидел? Кто? Скажи мне, и я сдеру с него шкуру, кишки выпущу, чёрт бы его побрал.

— Нет, — покачал головой Цзян Сяои.

Бай Цзыму внимательно осмотрел его лицо. Всего несколько дней прошло, а тот выглядел измождённым. Голос Бай Цзыму смягчился:

— Тогда почему ты плачешь? Ты...

Он оборвал себя на полуслове. Какие ещё могли быть причины? Конечно, он ушёл, и этот маленький гэ'эр расстроился и загрустил. Сердце Бай Цзыму тут же сжалось от тоски и боли.

— Я не плачу, — шмыгнул носом Цзян Сяои, его голос был хриплым. — Как ты вернулся?

Бай Цзыму, с его толстой, как крепостная стена, кожей, ничуть не смущаясь, ответил:

— Соскучился по тебе.

— Что?

Глаза Цзян Сяои широко распахнулись, в ушах зазвенело, а сердце на миг замерло. Он подумал, что это галлюцинация, порождённая его отчаянным желанием. Долгое время он не мог прийти в себя, на его лице застыло мечтательное выражение.

— Ты... что ты сказал?

Бай Цзыму взял его за руку, переплетая их пальцы, а другой ладонью нежно обхватил его затылок. Он наклонился, коснувшись своим лбом его лба, и его голос стал низким и проникновенным:

— Я сказал, что соскучился по тебе, Цзян Сяои. Во мне, наверное, есть что-то нездоровое... все эти дни я очень скучал по тебе, голова была забита только тобой, хотелось быть с тобой каждую минуту.

— Цзян Сяои, — он сделал паузу и, заглянув в полные слёз глаза юноши, твёрдо произнёс четыре слова: — Ты мне нравишься.

Эти четыре слова для Цзян Сяои были одновременно и смертельными, и невероятно соблазнительными. Слезы хлынули из его глаз, словно прорвавшаяся плотина. Он высвободил свою руку и схватил Бай Цзыму за запястье. Казалось, он достиг предела. Его тело неудержимо дрожало, голос был взволнованным, но он, будто разучившись говорить, лишь повторял: «Что ты сказал?».

Он словно отчаянно не верил и хотел убедиться снова и снова.

Бай Цзыму терпеливо наклонился к его уху и повторил ещё раз. Голос его был тихим, и из-за стрекота сверчков и кваканья лягушек слова звучали немного неразборчиво, но он был уверен, что Цзян Сяои всё услышал.

Цзян Сяои некоторое время стоял в растерянности, а потом вдруг уткнулся ему в грудь и крепко обнял, бессвязно бормоча:

— Но в прошлый раз ты сказал, что хочешь уйти... сказал, что люди и демоны не могут быть вместе, что у нас ничего не выйдет... Ты ушёл, и тебя не было несколько дней. Я каждый день ждал тебя здесь, так долго ждал, а ты не возвращался. Я скучал по тебе, я правда очень по тебе скучал.

Его грудь мгновенно промокла от слёз. Бай Цзыму криво усмехнулся. Этот маленький гэ'эр словно был рождён, чтобы властвовать над ним. Когда он злился, Бай Цзыму боялся; когда ему было больно, он боялся ещё больше. Он действительно дорожил Цзян Сяои, и одна его слеза, один опущенный взгляд причиняли Бай Цзыму невыносимые страдания. Сердце сжималось от тоски. Он торжественно погладил Цзян Сяои по щеке:

— Я тоже скучал. Я больше не уйду.

— Правда? — Цзян Сяои поднял голову, его глаза блестели, и слёзы продолжали капать. Он всхлипнул и спросил: — Ты правда больше не уйдёшь?

Бай Цзыму суетливо вытер его слёзы.

— Угу.

Цзян Сяои застыл в оцепенении, крепко сжимая кулаки. Через мгновение он растерянно пробормотал:

— Но... но я некрасивый, и денег у нас нет, и ещё нужно заботиться о братьях... Я... я ничего другого не умею, только работать...

Бай Цзыму тяжело вздохнул и перебил его:

— Я знаю. Но мне как раз такие, как ты, и нравятся.

Цзян Сяои чувствовал себя так, словно на него с неба свалился огромный пирог. Он стоял ошеломлённый, позволяя Бай Цзыму вытирать его слёзы, и лишь спустя долгое время смог прийти в себя.

— Где ты был все эти дни?

Бай Цзыму ответил:

— Ездил в город оформлять хуцзи.

— Пять дней на оформление хуцзи?

— Заодно и экзамены пару дней подавал.

Услышав это, Цзян Сяои даже повысил голос:

— Ты... ты умеешь читать? — Это было невероятно! В деревне, кроме старосты, никто не знал грамоты.

— Умею! — Бай Цзыму ущипнул его за щеку. Он не был уверен в результатах уездного экзамена, и если провалится, будет стыдно. Поэтому он решил прихвастнуть: — Но в этот раз я просто от скуки пошёл, ради развлечения.

Цзян Сяои посмотрел на него с обожанием.

— Всё равно ты молодец.

Нос Бай Цзыму чуть ли не задрался к небу, но он скромно махнул рукой:

— Да что ты, что ты.

— Нет, молодец, — упрямо повторил Цзян Сяои. Заметив, что на просёлочной дороге много комаров, он испугался, что они покусают Бай Цзыму, и поспешил потянуть его домой.

Раньше он не собирался оставаться, и внезапное появление в доме постороннего человека было бы трудно объяснить. К тому же, его сил было недостаточно, чтобы долго поддерживать человеческий облик, поэтому Бай Цзыму не показывался людям. Сейчас он спросил:

— Мне превратиться обратно?

— Не нужно, — покачал головой Цзян Сяои, покраснев, и тихо добавил: — Ты же... ты же сказал, что не уйдёшь?

Раз не уйдёт, а другого места у Бай Цзыму нет, ему придётся жить у них. А значит, рано или поздно его увидят. К тому же, Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань только сегодня немного успокоились. Если Бай Цзыму снова превратится в медвежонка, а потом опять станет человеком, малыши, увидев, что медвежонок пропал, наверняка снова расстроятся.

Однако... Бай Цзыму — посторонний мужчина. Они не женаты официально, без сватов и церемоний, так что жить ему в их доме было бы неприлично. Пойдут слухи. Но если Бай Цзыму — беженец, ставший приходящим зятем, тогда никто ничего не скажет.

Гэ'эрам было трудно рожать, некоторые за всю жизнь рожали лишь одного ребёнка. Деревенские жители были суеверны и, чтобы не прервать род и чтобы после смерти было кому зажечь благовония, некоторые фуланы, родив гэ'эра или девочку и больше не имея возможности забеременеть, позволяли своему ребёнку найти приходящего зятя.

Но такой зять, подобно девушке или гэ'эру, как бы «выходил замуж», и его дети должны были носить фамилию супруга. Большинство мужчин считали это унижительным и постыдным. Обычные семьи, если только не доходили до крайней нищеты, никогда бы не позволили сыну пойти в приходящие зятя. Поэтому таких искали среди тех, кто был на грани выживания, среди беженцев или на невольничьем рынке.

У беженцев и тех, кого покупали на рынке, не было своего дома. Если они нравились друг другу, неужели их нужно было оставлять на улице побираться, вместо того чтобы забрать домой?

Однако свадьба — дело важное, для неё нужно выбирать подходящий день. Если это случалось во время полевых работ, то иногда приходилось ждать два-три месяца. В таких случаях, даже если мужчина жил в доме до свадьбы, деревенские ничего не говорили. Ведь всё уже было решено, дело было в шляпе.

Цзян Сяои не знал, как к этому отнесётся Бай Цзыму. Его щеки горели, и он осторожно спросил:

— Когда вернёмся, отец наверняка спросит. Что мне ему сказать?

Его глаза сияли. Бай Цзыму с усмешкой посмотрел на него, поняв, к чему он клонит. Он всё-таки прожил десять лет в современном мире, и голова у него была на плечах, так что его это не волновало. К тому же, сейчас у него ничего не было. Не возвращаться же в дом Цзянов, чтобы жить с ним в пещере?

Он улыбнулся и поддразнил Цзян Сяои:

— Дикий мужчина, приходящий зять-гэ'эр, маленький парень, муж... как хочешь, так и называй. Кем скажешь, тем и буду.

Значит, ему всё равно. Цзян Сяои тоже рассмеялся.

— Скажу быть собакой, тоже будешь?

Бай Цзыму поднял бровь.

— Буду! — он усмехнулся и, понизив голос, прошептал Цзян Сяои на ухо: — Днём буду твоим маленьким щеночком, а ночью — большим волком. Как тебе?

Цзян Сяои замер. «...»

Он смущённо и беззлобно ударил его кулаком.

Бай Цзыму позволил ему себя ударить. Заметив, что уши того покраснели, он обнял его за плечи, как доброго приятеля, и с интересом спросил:

— Так что, хочешь?

Цзян Сяои сверкнул на него глазами.

— Бесстыдник.

— Я бесстыдник? А ты? Ты же трогал мои яйца.

Лицо Цзян Сяои вспыхнуло.

— Не говори глупостей, я же не знал тогда.

— Ага, верю я тебе, негодный гэ'эр. Потрогал и не признаёшься, — фыркнул Бай Цзыму.

— Ещё раз скажешь глупость, я тебя ударю, — хоть он и говорил так, в его глазах плясали смешинки. — Ты тогда был такой маленький, я тебя купал. Там у тебя было похоже на два прыщика. Откуда мне было знать? Если бы знал, разве бы я посмел трогать?

Бай Цзыму замер. «...Подожди, что значит «два прыщика»?»

Он что, намекает, что у него маленькие? Это было крайне обидно и оскорбительно. Бай Цзыму, вспыхнув от гнева, замахнулся на ягодицы Цзян Сяои.

— Ах ты, маленький гэ'эр! Я тебе задницу отшлёпаю!

Они, шутя и толкаясь, пошли домой.

Раз уж они решили быть вместе, Бай Цзыму больше не стал ничего скрывать и честно рассказал, чем занимался раньше и как сюда попал.

Цзян Сяои всегда знал, что Бай Цзыму — человек благородный. На вид он казался немного отстранённым, но на самом деле был вежливым и оптимистичным. Сразу было видно, что он вырос в любви и заботе. Он думал, что тот просто из богатой семьи, но теперь, слушая его рассказ, понял, что это было не просто богатство. Огромная секта из нескольких тысяч человек, где он был последним учеником магистра, младшим братом-учеником главного элитного ученика секты, и никто во всей секте не смел его тронуть — настоящий маленький наследный принц. Даже после того, как секта была разрушена, его защищали несколько праправнуков, и он жил в своё удовольствие.

Бай Цзыму взглянул на него и смущённо добавил:

— Я ещё несколько раз в полицию попадал.

В современном мире человеку с судимостью трудно найти жену. Бай Цзыму пристально смотрел на Цзян Сяои, ожидая его реакции. Если тот выкажет хоть каплю презрения, он тут же развернётся и уйдёт. Но на лице Цзян Сяои было лишь недоумение.

— Что?

Бай Цзыму подумал и подобрал другие слова:

— Я несколько раз сидел в тюрьме.

— А! — ахнул Цзян Сяои. — Ты сидел в тюрьме? За что?

На его лице было только потрясение и недоверие, ни тени презрения или страха.

Бай Цзыму обрадовался и поцеловал его. Лицо Цзян Сяои мгновенно вспыхнуло. Он огляделся по сторонам, и, не увидев никого, с радостью и смущением легонько стукнул его в грудь, снова спрашивая, что же произошло.

Ведь хотя Бай Цзыму и выглядел немного озорным и плутоватым, за время их совместной жизни Цзян Сяои понял, что он не был плохим человеком.

История эта была длинной. После того, как храм Цинмин раскопали, Бай Цзыму остался без дома и спустился с горы в поисках нового жилья. Их секта Цинмин владела не одной горой, но, спустившись, Бай Цзыму остолбенел. Другие горы их секты тоже были скрыты, а на их месте построены дома. Некоторые старые дома в городе исчезли, а те, что остались, охранялись, и на них висели таблички «памятник старины», и жить там ему не разрешали.

Бай Цзыму твердил, что это его дом, но охранники смеялись над ним и советовали проверить голову. «Если это твой дом, то я твой предок!» — говорили они. Бай Цзыму разозлился и, разузнав всё, притащил сундук с документами на землю и недвижимость в соответствующие органы, чтобы потребовать справедливости. В итоге его обвинили в подделке документов и арестовали.

Проведя в полицейском участке девять дней, Бай Цзыму, благодаря хорошей работе на швейной машинке, вышел досрочно. Голодный и без денег, он решил пойти в горы за побегами бамбука. Раньше эти небольшие горы были общественными, но с развитием города А их выкупили частники. Бай Цзыму этого не знал. И вот, едва он сорвал несколько побегов, как на него набросились несколько мужчин с электрошокерами, обвиняя в краже их бамбука. Они требовали денег, угрожая вызвать полицию.

Если бы у него были деньги, он бы не полез в горы. Так он снова оказался в участке. Проведя там семь дней за швейной машинкой, полицейские, сжалившись над молодым парнем, чтобы тот снова не сбился с пути, помогли ему найти работу на стройке. Они велели ему усердно трудиться, зарабатывать деньги и больше не воровать.

Бай Цзыму трудился добросовестно, но всего через несколько дней родственница одного из рабочих, старушка, приехавшая присмотреть за внуком, несколько раз видела, как он по ночам сидит в позе лотоса на крыше. Она вызвала полицию, заявив, что он практикует злые культы.

Бай Цзыму был вне себя от обиды. Он твердил, что ничего не практикует, что он даже не знает, что это такое. Ответственный за дело полицейский спросил его, что же он тогда делает по ночам на крыше вместо того, чтобы спать. Бай Цзыму ответил, что он медитирует, впитывая

сущность солнца и луны. Услышав это, полицейский замер на мгновение, а затем спросил, серьёзно ли он. Увидев его кивок, полицейский посмотрел на него с сочувствием.

Проведя в участке всего полдня, его забрали и отвезли в больницу на обследование, чтобы проверить, нет ли у него каких-либо иллюзий или психических заболеваний.

В четвёртый раз он спал в парке и услышал шум в беседке. Какая-то женщина кричала, потом ей зажали рот, а мужчина позади неё прижал её к столбу. Это выглядело подозрительно. Он решил подойти и посмотреть, что происходит, не обижают ли женщину, не нужна ли его героическая помощь. Но едва он вошёл в беседку, как ворвались несколько полицейских, крича, что получили сообщение о групповой проституции. Так Бай Цзыму снова попал в участок.

Сейчас вспоминать об этом было горько. К счастью, в конце концов его праправнук, увидев конфискованные документы на землю и узнав на них печать, нашёл его. Иначе он бы попал в участок не восемь, а все восемьдесят раз.

Выслушав его, Цзян Сяои не знал, то ли сочувствовать ему, то ли смеяться. Он крепко сжал губы, а его плечи подрагивали.

Бай Цзыму уставился на него.

— Будь серьёзнее, пожалуйста. Мы сейчас говорим об очень печальных вещах. С таким выражением лица твоя совесть не болит?

Цзян Сяои несколько секунд смотрел на него, а потом не выдержал и расхохотался.

Бай Цзыму пару раз стукнул его. Этот негодный гэ'эр, ни капли сочувствия.

На улице уже совсем стемнело. Отец Цзян искупал Цзян Сяоэра и Цзян Сяосаня, а Цзян Сяои всё не возвращался. Цзян Сяоэр, нахмурившись, сидел в главной комнате и всё время смотрел на улицу, обеспокоенно спрашивая:

— Отец, куда пошёл старший брат? Почему он до сих пор не вернулся? Уже так темно.

— Не знаю, — отец Цзян встал. Цзян Сяои в последние дни вёл себя странно, а сейчас уже стемнело, и он всё-таки гэ'эр. Отец Цзян забеспокоился. — Вы двое сидите дома, я пойду посмотрю.

Только он это сказал, как снаружи послышался голос Цзян Сяои. Он с кем-то разговаривал, и

голос его звучал радостно, взволнованно и непринуждённо. Такой радости отец Цзян у него ещё никогда не видел.

— Старший брат вернулся! — Цзян Сяосань подбежал к двери и замер.

— Ой-ёй-ёй! — он хлопнул себя по бёдрам и воскликнул, уставившись на Бай Цзыму.

— Старший брат, — он застыл на мгновение, затем подбежал к Цзян Сяои и, торопливо потянув его вниз, прошептал, искоса взглянув на Бай Цзыму. Увидев, что тот улыбается ему, он тут же отвернулся и, прикрыв рот рукой, прошептал Цзян Сяои на ухо: — Старший брат, откуда этот старший братик? Почему он такой красивый?

Цзян Сяои застыл. «...»

Бай Цзыму громко рассмеялся и погладил Цзян Сяосаня по голове.

По дороге Бай Цзыму уже узнал от Цзян Сяои, что в тот день, когда он исчез, Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань долго плакали, спрашивая, куда делся Мишка. Цзян Сяои сказал им, что медвежонок вернулся в горы, и пытался утешить их конфетами, но они не хотели, им нужен был только Мишка. На следующий день, пока Цзян Сяои и отец Цзян рубили дрова, малыши тайком убежали на гору Хуцю, чтобы найти его. К счастью, на полпути их услышал второй дядя и вернул домой.

Малыши были так расстроены, что в последние дни почти ничего не ели и, казалось, ещё больше похудели.

Цзян Сяои не знал, как представить Бай Цзыму. Он покраснел. Бай Цзыму легонько толкнул его локтем и, приподняв бровь, насмешливо сказал:

— Отвечай же, Сяосань спрашивает, кто я.

— Да, старший брат, ты так и не ответил Сяосаню! — этот старший братик был не из деревни, и Цзян Сяосань сгорал от любопытства.

<http://bllate.org/book/13701/1589557>